

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Любовь,
морковь,
свекровь

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова
Любовь, морковь, свекровь

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Любовь, морковь, свекровь / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2005 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

ISBN 978-5-699-91223-0

Счастье просыпаться в собственной постели и смотреть по утрам на родные занавески с кисточками нужно ценить. Красавица Лола пришла к этой простой мысли только после того, как обнаружила себя в чужом доме с безвкусными шторами и вредной старухой, которая почему-то набивалась ей в свекрови. И как же Лоле повезло – в любой неразрешимой ситуации у нее есть Леня, великий комбинатор и надежный друг, который помчится ее спасать, даже когда на кону – миллионный гонорар от клиента за часики из чужого тайника!.. Книга также выходила под названием «Коварство и свекровь».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91223-0

© Александрова Н. Н., 2005
© Эксмо, 2005

Наталья Александрова

Любовь, морковь, свекровь

© Александрова Н. Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Лола проснулась в превосходном настроении.

Сквозь щель в занавесках пробивалось яркое утреннее солнце, за окном пели птицы, день обещал быть прекрасным.

Огорчало ее только одно – почему-то не было видно ее любимца Пу И, крошечного песика древней мексиканской породы чихуахуа. Обычно Пу И спал в ее постели и утром будил хозяйку требовательным повизгиванием и попытками стащить с нее одеяло. Это превратилось в утренний ритуал, и без такой возни Лола чувствовала себя не вполне счастливой.

Лола приподнялась на локте и позвала:

– Пуишечка, детка, где ты?

Песик не отозвался, что Лолу в общем-то не удивило – очевидно, он уже проснулся и отправился на кухню, где хозяйничает сейчас Лолин компаньон Леня Маркиз. Так уж повелось, что завтраки по утрам готовит исключительно он. Лола не может рано подниматься с постели, у нее пониженное давление и вообще утренний упадок сил, Лоле просто необходимо выпить, проснувшись, большую чашку кофе и съесть что-нибудь легкое и питательное, например один круассан. Или два. В крайнем случае один круассан и две венские булочки. Или два пончика с вареньем.

Вспомнив о булочках, Лола потянула носом воздух. Но аппетитные запахи отнюдь не спешили дразнить ее обоняние. Никто не доносились звуки Лениной кухонной деятельности, не играла музыка, не работал телевизор.

«Все ясно, – подумала Лола, – Леня с песиком ушли гулять. Значит, еще не слишком поздно и можно немножко подремать».

В их квартире жили еще два домашних любимца – огромный угольно-черный кот Аскольд и попугай Перришон. Но эти два лентяя вряд ли поднимутся, пока Леня не приготовит завтрак. Вот тогда вся троица сбежится на кухню и начнет ныть, лаять и мяукать, требуя еды. Попугай у них говорящий, так он еще не преминет отпустить пару-тройку нелестных замечаний, если завтрак задержится.

Лоле вовсе не улыбалось с утра пораньше ссориться с попугаем, и она решила подождать возвращения Маркиза.

Но внезапно что-то заставило ее сесть на кровати и внимательно оглядеться. В комнате что-то было не так. Не тот запах, не то ощущение. Собственно, оглядеться было трудновато, потому что в спальне царил полумрак. Это было странно, потому что, судя по пению птиц за окном и солнцу, заглядывающему в щель, было не слишком рано.

Лола почувствовала, как блаженная сонная истома улетучивается из нее со скоростью света. Сердце забилося часто-часто, на лбу выступила испарина. Она с ужасом уставилась на занавески. Даже в полумраке было видно, что они темные – синие или зеленые. Лола протерла глаза, потом закрыла их и снова открыла. Что происходит? Что случилось с ее милыми сердцу занавесками? Бледно-розовые, не слишком прозрачные, но достаточно тонкой ткани, так что, когда по утрам солнце заглядывало в окна, все комната озарялась розовым светом, поэтому жизнь с самого утра представлялась Лоле в розовом цвете, и не было в ней места унынию и тяжким заботам.

Занавески были красиво прихвачены тонким розовым же шнуром, на концах завершавшимся прелестными пушистыми кисточками. Дизайнер Шурик, оформлявший Лоле спальню, считал этот шнур своей наибольшей творческой удачей. Из-за кисточек были большие трения с котом Аскольдом. Кот считал, что они существуют только для того, чтобы он мог с ними играть. В конце концов Лола вообще запретила нахальному коту входить в свою спальню, но Аскольд плевал на запреты и вообще игнорировал все меры пресечения. Однако кисточки пока держались.

Занавесок не было. То есть были, но совершенно не те. Лола попрыгала на кровати, потом ошупала ее под собой. Кажется, кровать тоже не та.

– Ой! – тоненько взвизгнула Лола. – Ой-ой-ой!

Тотчас отворилась дверь, и вошел кто-то.

– Ленька, что это за шутки! – сердито заговорила Лола, – Сегодня ведь не первое апреля!

Кто-то не отозвался. Шаркая ногами, этот *кто-то* подошел к окну и раздвинул занавески. Комнату залил яркий солнечный свет. Лола осмотрелась и пришла в еще больший ужас.

Спальня была не ее. Где шкаф с зеркалом, где испанский туалетный столик розового дерева, где кроватное покрывало цвета чуть увядшего шиповника? Лола подбирала ткань целую вечность, истоптала ноги, бегая по магазинам, и отдала за покрывало огромные деньги. Где, наконец, два пуфика, обитые той же замечательной тканью?

Ничего этого не было. Комната была гораздо больше Лолиной спальни, но набита ужасными, совершенно безвкусными вещами. Со своего места в кровати Лола видела комод. Очевидно, хозяева считали его антиквариатом, но Лола сразу определила, что он – ужасное страшилище, новодел, причем жуткая халтура, изготовленная предприимчивыми китайскими ремесленниками.

– Доброе утро, Алина Сергеевна! – раздался голос от окна.

Лола так увлеклась, разглядывая комнату, что забыла о посетителе. У окна стояла женщина лет тридцати пяти, с невыразительным круглым лицом, весьма плотного телосложения, одетая в дежурное темно-синее платье и белый накрахмаленный передник. Женщина улыбалась слащавой неискренней улыбкой. Глаза при улыбке казались еще меньше, чем на самом деле.

– Вы кто? – оторопела Лола.

Глаза у женщины перестали улыбаться намного раньше, чем сократились мускулы лица.

– Что вы делаете в моей спальне? – продолжала Лола. – То есть что я тут делаю?

Женщина наконец справилась с улыбкой, но тут же от удивления выпучила глаза.

– Алина Сергеевна! – Она сделала шаг по направлению к кровати. – Это же я, Татьяна...

– Не приближайтесь ко мне! – закричала Лола и натянула одеяло до самого подбородка. – Что вам надо?

– Вы же сами просили вчера разбудить в девять часов... – сказала женщина, послушно остановившись в нескольких шагах от кровати, – позвольте, я принесу завтрак...

Лола кивнула, только чтобы остаться одной. Женщина удалилась, все так же шаркая тапочками без задников. Лола откинула одеяло. На ней была надета тонкая ночная сорочка, совершенно прозрачная, с безвкусными цветами на груди. Сорочка была не ее, Лола никогда бы не купила себе такую ужасную вещь. И тапочки были не розовые пушистые с помпонами, которые так любит отгрызать ненаглядный Пу И, а зеленые, с загнутыми носами, расшитые золотом. Такие тапочки подошли бы обитательнице средневекового арабского гарема, но никак не ей – современной и продвинутой женщине.

Вообще вся комната была выдержана в зеленых тонах. Темно-зеленые бархатные портьеры, обшитые витым золотым шнуром с отвратительными золотыми бомбошками. Тяжелая массивная мебель. Шкаф, кажется, дубовый. Кровать... Лола попрыгала на кровати, и в этот момент снова открылась дверь и вошла горничная с подносом.

– Пожалуйста завтракать, Алина Сергеевна! – сказала она, снова слащаво улыбнувшись, так что глаза едва не скрылись между веками.

– Почему вы называете меня Алиной Сергеевной! – всполошилась Лола. – Кто это – Алина Сергеевна?

Горничная разинула рот и едва не выронила поднос.

– Как кто? – сказала она. – Это же вы! А меня вы не узнаете?

– Да вы с ума сошли! – вскричала Лола. – Я никогда в жизни не видела ни вас, ни этой комнаты! Ни этой кровати! Ни этих тапочек!

Она схватила одну туфлю и запустила в горничную. Та сумела отстраниться, но уронила поднос. По зеленому ковру разлилась какая-то подозрительная субстанция, которую Лола после идентифицировала как овсяную кашу. Горничная прижала руки к щекам и выбежала из комнаты, едва не теряя на ходу туфли без задников.

«Это похищение, – подумала Лола, – меня похитили! И теперь обратятся к Лене за выкупом. Вот интересно, сколько за меня запросят денег? И сколько Ленка не пожалеет? Вообще-то он ко мне неплохо относится... И деньги у нас есть... Думаю, он заплатит, сколько спросят!»

Казалось бы, от этой мысли Лола должна была немедленно успокоиться. Но она тут же поняла, что версия о похищении не выдерживает никакой критики.

Во-первых, жертв похищения держат в подвалах без окон, чтобы они не определили, где находятся. Во-вторых, похитители не показывают им свои лица, чтобы после их не опознали. Если только, тут же поправила себя Лола, похитители не собираются отпускать свою жертву. Но в таком случае зачем ее держать в просторной, хотя и безвкусно обставленной спальне и приносить завтрак в постель?

Лола с ненавистью поглядела на свою ночную сорочку, выпрыгнула из кровати и подбежала к шкафу. Шкаф был трехстворчатый, очень большой и оказался заперт. Некогда было удивляться по этому поводу. Лола поискала глазами какой-нибудь подходящий инструмент, пошарила наверху в надежде, что найдет ключ, наконец, сообразила поднять чайную ложечку с ковра, при этом второпях вляпавшись в кашу.

Ругаясь сквозь зубы, Лола принялась ковырять ложкой в замке. Удалось открыть только одно отделение – бельеовое. Аккуратными стопками лежали трусики, бюстгалтеры и маечки. В коридоре послышались шаги, и Лола наугад схватила футболку и трикотажные шорты. Шаги остановились у двери, и Лола одним тигриным прыжком оказалась в кровати. Она спрятала добычу под подушкой и снова натянула одеяло до подбородка.

Вошедшему мужчине можно было дать лет сорок. Был он среднего роста, скорее полный, чем худой, с хорошо просматривающимся животиком. На мужчине был вполне приличный светлый летний костюм, очки в модной оправе, которые совершенно ему не шли, в руках он держал портфель светлой кожи.

– Олег Иванович! – В дверь протиснулась давешняя горничная. – Ну сами посмотрите, что творится! Меня не узнает!

– Помолчи, Татьяна, – низким голосом сказал мужчина и шагнул к Лоле. – Ну, дорогая, что еще случилось?

– Кто вы такой? – спросила Лола, стараясь, чтобы голос ее не дрожал.

– Ну, здравствуйте! – вздохнул мужчина. – Что еще ты придумала? Детка, мне сейчас некогда, опаздываю на работу! Давай ты не будешь капризничать, встанешь, позавтракаешь, а вечером мы поговорим!

– Не смейте говорить мне «ты»! – крикнула Лола. – И объясните, чего вы добиваетесь!

Мужчина переглянулся с горничной, та развела руками – мол, говорила же вам, а вы не верили... Мужчина с досадой взглянул на часы и присел на кровать. Лола отползла как можно дальше, по-прежнему прижимая к груди край одеяла.

– Татьяна, убери все! – не поворачивая головы, сказал хозяин.

Горничная подхватила поднос, кое-как собрав на него разбитую посуду, и вышла.

– Дорогая, – нежно пророкотал мужчина, пытаясь найти под одеялом ее руку, – сейчас не время капризничать. Прощу тебя, Алиночка...

– Но я вовсе не Алина! – заорала Лола.

– А кто же ты? – вкрадчиво спросил мужчина.

– Я Ло... – Лола запнулась на полуслове.

Ведь Лола – это ее не настоящее имя, это псевдоним, или партийная кличка, как шутит ее напарник Леня Маркиз. На самом деле ее зовут Ольга Чижова, под этим именем она играла в свое время в театре, под этим именем ее знают друзья и знакомые. Но, судя по всему, человек, сидящий сейчас рядом с ней, явно желает Лоле плохого, так что вовсе незачем выбалтывать ему всю подноготную.

– Я – Люся, – брякнула Лола, – Люся Савушкина. Людмила Петровна Савушкина, если вам так будет угодно.

– Мне угодно тебя как следует отшлепать! – рявкнул мужчина, побагровев от злости. – Что, в самом деле? Нашла, понимаешь, время безобразничать! Какая еще Люся Савушкина?

«Действительно, – подумала Лола, – с чего это я ляпнула про Люсю? Откуда взялось это имя в голове?»

Она скроила самую строгую физиономию и уставилась на мужчину.

– Если вы будете удерживать меня силой... – начала она, но в это время с грохотом распахнулась дверь спальни и на пороге появилась весьма примечательная личность женского пола.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении насчет пола можно было и переменить мнение, потому что женщина была худая и плоская, как доска. На вошедшей был красный спортивный костюм и кроссовки. Волосы, коротко стриженные и когда-то крашенные в каштановый цвет, давно требовали заботы и ухода, потому что там и тут беззастенчиво выглядывали седые корни. Судя по морщинам и седине, тетка была сильно немолода. На носу у нее сидели очки без оправы, которые все время падали вниз, и тогда выглядывали маленькие и злобные глазки, как у носорога.

– Ну? – грозно спросила тетка. – Что у вас тут? Татьяна сказала – опять она выкаблучивает? Идиоткой прикидывается!

– Мама! – мужчина сдвинул брови и встал с Лолиной кровати. – Ты бы все-таки выражалась повежливее!

«Ах, вот это кто, – поняла Лола, – если этот, с пузом, мой муж, то его мамаша, стало быть, моя свекровь... Можно только поздравить себя с такими, с позволения сказать, родственниками!»

– Чего мне стесняться? – загремела тетка. – Чего и кого мне стесняться в собственном доме? Давно пора назвать вещи своими именами! Говоришь, тебя не узнает? Может, она и меня не узнает?

– В первый раз в жизни вас вижу! – подтвердила Лола. – И век бы не видала!

– Все ясно! – возвестила тетка, грозно подступая к Лоле. – Снова нанюхалась до одурения!

– Мама...

– Что – мама? – тетка вскинула голову, отчего круглые очки свалились с носа, и злобные глазки с коровьими ресницами предстали во всей красе. – Я сорок лет тебе мама! И шесть лет наблюдаю, как ты мучаешься с этой... с этой...

– Сама такая, – невольно вырвалась у Лолы, уж очень противная была тетка.

– Вот видишь? – торжествующе спросила «свекровь». – Теперь ты видишь, как твою мать оскорбляют в ее собственном доме?

«Бред какой-то, – подумала Лола, – что я тут делаю? Препираюсь с чужой свекровью? Этак недолго и с ума спрыгнуть...»

– Послушайте, – начала она как могла твердо, – я вам совершенно официально заявляю, что я не Алина Сергеевна, не жена вам и не невестка. Я вообще ничья жена, потому что не замужем.

Мужчина досадливо вздохнул и обхватил голову руками, его мать же очень обрадовалась.

– Ну, я, как всегда, права, – удовлетворенно сказала она, водружая свои очки на переносицу, – эта дрянь нанюхалась кокаина и окончательно спятила! Это же надо до такого дойти – не помнит, кто она есть!

– Да откуда бы она его взяла, кокаин-то? – устало сказал мужчина. – Она же месяц из дома не выходила! Или, может быть, ей на дом привозят? Тогда скажи кто?

– Ну, значит, накололась! – безапелляционно заявила «свекровь». – Может, у нее припрятано было где-то... Или этот доктор все ходит...

– Тихо! – крикнул мужчина. – Не надо об этом...

– Все равно я права! – тетка неожиданно подобралась к Лоле и сдернула с нее одеяло, потом схватила руку и поднесла к свету.

– Что вы делаете? – Лола забилась в ее руках, но мерзкая тетка держала крепко.

– Ну, вот видишь, мама, ничего нет, вены не исколоты! – с заметным облегчением в голосе сказал мужчина, которого горничная назвала Олегом Ивановичем.

– А на ногах? – старуха ловко обхватила Лолу поперек туловища.

Лола задргала ногами, стремясь попасть пяткой в подбородок своему, с позволения сказать, муженьку. Не попала, он поймал ее за ноги и рассмотрел вены. Если бы не дурацкая сорочка с цветами! Если бы на ней была надета хоть какая завалящая пижама! Хоть китайская с Микки-Маусом! Хоть турецкая в ягоду! Тогда Лола не чувствовала бы себя такой униженной.

– Ну, не знаю... – протянула старуха, – кажется, они еще в пупок колются...

Представив, что сейчас задерут сорочку, Лола зарычала и решила, что убьет их всех, пускай только попробуют.

Раз они решили действовать силой, у нее тоже развязаны руки.

– Мама, прекрати немедленно издеваться над моей женой! – загремел мужчина, и, как ни странно, старуха послушалась.

Она вышла, поглядев на Лолу из-под очков с такой злобой, что в воздухе еще долго потрескивали искры.

– За что эта женщина так меня ненавидит? – вслух удивилась Лола.

– Ну... – протянул мужчина, – ты же понимаешь, детка... свекровь, невестка...

«Опять двадцать пять! – вздохнула Лола. – Он снова принялся за старое!»

– Дорогая, – «муж» взглянул на часы и помрачнел, – мне и правда пора. Так что не валяй дурака, пожалуйста, у меня очень важные переговоры, никак не могу опоздать.

– Но что со мной будет? – крикнула Лола, но он уже ушел.

Лола быстро переоделась прямо под одеялом и почувствовала себя гораздо увереннее, хотя футболка и была велика на два размера. Оглядываясь на дверь, она вылезла из осточертевшей кровати и обошла спальню. Экскурсия ничем не порадовала. Платяной шкаф открыть не удалось, пришлось довольствоваться тем, что было. Лола подошла к окну. За окном был абсолютно незнакомый двор – газон, кустики, клумба с бархатцами и петуньей, а вдалеке – зеленые ели. Лола могла поклясться чем угодно, хоть благополучием своего дорогого Пу И, что прежде она никогда не видела этот пейзаж.

– Что ж, – сказала Лола вслух, – примерно этого я и ожидала.

Удалось сообразить только, что она находится за городом, очевидно в большом комфортабельном доме, и что комната ее расположена на втором этаже. Тут Лола почувствовала настоятельную потребность освежиться. По утрам она обычно принимала ванну с тонизирующими

солями. Либо добавляла в воду несколько капель апельсинового масла, для кожи и хорошего настроения. Конечно, в таких условиях о ванне не может быть и речи, не то место, чтобы расслабляться в ванне, но душ все же принять необходимо.

Снова открылась дверь, и появилась горничная. Боязливо оглядываясь на Лолу, она замела в совок остатки завтрака.

– Послушайте... – Лола сделала шаг к ней, но горничная метнулась в сторону, как будто была дикой серной, а не женщиной средних лет весьма плотной комплекции.

– Костя! – истошно заорала она, и на пороге возник здоровенный парень самого устрашающего вида.

Парень сложил на груди толстые, как бревна, руки и с угрозой уставился на Лолу. Очевидно, горничная позвала его для поддержки.

– Что вы себе позволяете? – возмутилась Лола. – Отчего вламываетесь в комнату без стука?

В рядах прислуги произошло небольшое смятение. Горничная с охранником переглянулись, потом сделали более приветливые лица.

– Простите, Алина Сергеевна, – пробормотал парень, – это все Татьяна...

Он попятился и исчез с Лолиных глаз.

– Мне нужно в ванную, – угрюмо сказала Лола, – есть в этой тюрьме санузел?

– Но, Алина Сергеевна, – изумлению горничной не было предела, – вы же сами так захотели...

– Что захотела? – заорала Лола. – Отменить утренний душ? И вечернюю ванну? Вообще дала зарок не мыться тринадцать лет, как монах-схимник?

– Но вы же сами приказали так оборудовать ванну... в смысле, что незаметно.

Лола демонстративно оглянулась. Комната была большая и просторная, при всем желании ванну там спрятать было негде.

– Вы, наверное, забыли... – горничная снова слащаво заулыбалась, – это бывает, вы не волнуйтесь... я вот тоже засунула куда-то брошечку... красивая такая брошечка была, с камушком... думала, что потеряла, а оказалось – она в вазе лежит, а ваза – на буфете, так что снизу и не видно. И как я ее туда умудрилась положить... не иначе, не в себе была... вот как вы...

Тут она осеклась и снова шарахнулась в сторону, потому что на лице у Лолы, надо полагать, выразилось такое, что сильно испугало горничную. Однако Лола решила взять себя в руки, иначе она так и не добьется у мерзкой тетки, где же в этом гадюшнике находится санузел.

– Короче, – процедила она, – показывай, где что...

Горничная подвела ее к стене и нажала какую-то кнопку. Открылась дверца, незаметная, оклеенная такими же зелеными обоями, как и стены.

– Идиотство... – пробормотала Лола.

Помещение было маленькое, ванны вообще не было, только душевая кабинка.

«И то хлеб! – подумала Лола. – Но вообще все это – форменный кретинизм. Кому пришло в голову оформить спальню в зеленых тонах? Это же каждое утро будешь расстраиваться, что ты бледная и немощная. Цвет лица в этой спальне кажется ужасным, краше в гроб кладут...»

– Уж не знаю, почему вам так захотелось... – тараторила горничная, – но ваше слово – закон, Олег Иваныч распорядился...

«Врет и не краснеет, – подумала Лола, – мерзкая баба...»

– Ты что – с ними в доле? – спросила она, кивнув на окно, откуда раздавался шум отъезжающей машины.

Надо полагать, ее «муженек» отбыл на свои важные переговоры.

– О чем вы, Алина Сергеевна? – горничная вылупила глаза, причем вышло у нее очень ненатурально, сама Лола в такой ситуации сыграла бы не в пример лучше.

Но Лола – актриса, причем все без исключения, даже недоброжелатели, находили у нее талант.

– Ладно, иди уже, – вздохнула Лола, – белье принеси! И полотенце!

На двери изнутри не было задвижки, но Лола ничему уже не удивлялась. Она попробовала заклинить дверцу стулом, но из этого ничего не получилось. Горничная принесла полотенце и трусики. И никакой одежды. Наскоро приведя себя в порядок, Лола надела ту же большую футболку и шорты.

В комнате дожидалась та пожилая ведьма, что объявила себя Лолиной свекровью. То есть не Лолы, а той женщины, Алины... как ее там... Сергеевны, кем считали Лолу. Свекровь сидела в кресле и смотрела на Лолу из-под очков маленькими злобными глазками. Она переоделась, теперь вместо спортивного костюма на ней были джинсы и свободная рубашка навыпуск. С вполне объяснимым злорадством Лола отметила, что наряд этот отвратительную тетку не красил. Ей вообще помогла бы только реинкарнация, то есть была небольшая надежда, что после смерти тетка превратится в какое-нибудь приличное дерево или куст. Впрочем, скорее всего это был бы куст колючего терновника или чертополоха, а из животных Лола поставила бы на гиену.

Лола немного пришла в себя после душа, исчезли ломота в суставах и пульсирующая боль в голове, которая мешала ей соображать.

– Зачем я вам нужна? – спросила она «свекровь».

– Мне ты на фиг не нужна, – тут же ответила та, – но мой сыночек, этот оболтус, отчего-то носится с тобой, как с писаной торбой...

– Я не об этом, – прервала Лола, – я спрашиваю, зачем вы меня похитили?

– Мы? – тетка злобно расхохоталась. – Да кому ты нужна, наркоманка чертова! Похитили – ну надо же! Да нужна ты кому-то, похищать ее!

– Если не нужна, то отпустите меня!

– Куда? – прищурилась «свекровь».

– Домой.

– Твой дом здесь. – «Свекровь» отвернулась. – К моему глубокому сожалению, уже шесть лет мой сын женат на тебе. «Домой», ну надо же! – передразнила она. – До того нанюхалась разной дряни, что забыла, где живет! Ну куда ты пошла бы, адрес скажи!

Лола потрясла головой. Она очень хорошо помнила, что жила в большой четырехкомнатной квартире с Леней Маркизом и тремя животными – песиком, котом и попугаем. Помнила она свою спальню, и кухню, и гостиную, и ванную (Ах, какая у нее дома ванная, не чета здешней! В ней хочется проводить все свободное время!).

Но, странное дело, Лола совершенно не помнила точного адреса своей квартиры. И номера телефона тоже. Еще Лола помнила, чем они с Леней занимались, но из головы напрочь вылетело, как она оказалась здесь. То есть Лола совершенно не помнила, что она делала вчера. Куда ездила или ходила, что ела...

Есть не хотелось. Зато безумно хотелось пить.

«Свекровь» истолковала ее молчание по-своему.

– Молчишь? – загремела она. – Сказать-то нечего! Кончай придуриваться, вот что! И не мотай сыну нервы, у него и так сейчас сложности по работе!

С этими словами «свекровь» покинула комнату, злобно хлопнув на прощание дверью. Лола не стала унижаться и просить у нее пить. Она подумала немного и напилась воды из-под крана в ванной. Потом нашла под кроватью зеленые домашние туфли с загнутыми носками и осторожно повернула дверную ручку. Дверь не была заперта, и Лола решилась выйти.

Лола толкнула дверь спальни и на мгновение закрыла глаза. Вот сейчас, подумала она, вот сейчас я открою глаза – и окажусь в собственной квартире. В нашей с Леной квартире. Ко мне с радостным визгом бросится Пу И, и Леня позовет завтракать...

Она открыла глаза.

Перед ней был длинный и совершенно незнакомый коридор. По стенам через равные промежутки горели серебристые шары светильников, пол устилал голубой пушистый ковер. Дверей было столько, что казалось, будто это не жилой дом, а пятизвездочная гостиница.

Одна из дверей приоткрылась, появилась давешняя горничная Татьяна с глупым круглым лицом. Она катила перед собой тележку с постельным бельем. Увидев Лолу, почтительно сложила руки на переднике и бесцветным услужливым голосом осведомилась:

– Вам что-нибудь угодно, Алина Сергеевна?

– Мне угодно, чтобы ты исчезла! – раздраженно ответила Лола.

Она действительно хотела, чтобы исчезла эта незнакомая женщина, а заодно и этот коридор вместе с роскошным ковром, стильными светильниками и прочей обстановкой.

– Как прикажете, – послушно отозвалась горничная и действительно исчезла. То есть просто скрылась в той комнате, из которой только что вышла.

Лола двинулась вперед по коридору. Поравнявшись с одной из дверей, она попыталась открыть ее. Дверь была заперта. Следующая дверь легко открылась. Лола заглянула в комнату. Там в глубоком кожаном кресле сидела «свекровь». Сдвинув на кончик носа очки без оправы, она увлеченно смотрела по огромному телевизору футбольный матч, сопровождая каждый удачный удар оглушительным воплем и подпрыгивая в кресле.

Обернувшись на скрип двери, «свекровь» уставилась на Лолу поверх очков и недовольным голосом произнесла:

– Ну что еще? Опять у тебя какие-то глюки? Занялась бы чем-нибудь полезным!

Тут же она отвернулась от Лолы и завопила:

– Судью на мыло!

Лола захлопнула дверь и двинулась дальше.

Впереди показалась лестничная площадка. Резные дубовые перила, темные деревянные панели. Ступени винтовой лестницы вели вниз. Они уютно зашкрипели под Лолиными ногами.

Спустившись по лестнице, Лола оказалась в маленьком холле, выложенном темной плиткой. Перед ней была высокая массивная дверь с ярко начищенной медной ручкой. Лола открыла ее и оказалась на высоком крыльце.

Это явно было заднее крыльцо дома.

Перед ним была узкая, усыпанная гравием дорожка, по обеим сторонам которой цвели синие ирисы. Дорожка слегка поворачивала вправо и скрывалась за густо разросшимися кустами жасмина. Лола, с невольнo бьющимся сердцем, зашагала по этой дорожке. Идти было трудно, потому что все время спадали туфли. Прежде чем свернуть направо, она оглянулась.

Дом был довольно большой, двухэтажный, облицованный серым камнем. Судя по расположению окон, Лола вышла с его задней стороны. Вокруг не было ни души.

Лола глубоко вздохнула и двинулась вперед.

Дорожка пробежала среди густых кустов и вывела Лолу к высокой каменной стене. Точнее, к маленькой калитке. Лола дернула кованую ручку. Как и следовало ожидать, калитка была заперта.

Лола снова оглянулась. Окна верхнего этажа виднелись над кустами, и на какой-то миг ей показалось, что в одном из этих окон мелькнуло лицо. Но раздумывать и колебаться было некогда. Лола вцепилась кончиками пальцев в трещину камня, уперлась ногой в основание стены и полезла наверх. Туфли пришлось бросить вниз. К счастью, стена была довольно неровной, и через минуту Лола уже сидела на ее верхнем краю. За стеной был редкий сосновый лес. Одна

из сосен росла совсем рядом, и ее толстая ветка услужливо протянулась к самой стене, словно предлагая Лоле руку помощи.

Вспомнив некоторые яркие эпизоды из своей профессиональной карьеры, Лола ловко перебралась на ветку и меньше чем через минуту соскочила на плотную песчаную почву, густо усыпанную сосновой хвоей.

Она побежала прочь от дома, сжав зубы, потому что иголки ранили босые ноги.

Через несколько минут у Лолы закололо в боку, дыхание стало неровным, и она перешла на шаг. К счастью, впереди среди сосен показался просвет. Лола почувствовала второе дыхание и снова прибавила шагу. Идти стало легче, потому что дорога пошла под уклон, под ногами был ровный грунт, и вскоре Лола оказалась на обочине широкой асфальтированной дороги.

Невдалеке послышался звук приближающейся машины. Лола выбежала на дорогу и замала руками. Из-за поворота показалась скромная темно-серая «девятка». С резким скрипом она затормозила рядом с Лолой, из водительского окошка выглянул лысоватый дядечка средних лет.

– Девонька, ты что же это людей пугаешь? – добродушно проговорил он. – Выскочила, понимаешь, на дорогу перед самой машиной... хорошо, у меня тормоза в порядке!

– Подвезите меня, пожалуйста! – взмолилась Лола.

Она вспомнила, что у нее нет ни копейки, и прибавила в голос жалостливой интонации.

– А куда ж тебя, красавица, подвезти? – озадаченно проговорил водитель, открывая дверцу.

– Куда угодно! – Лола устроилась на сиденье и облегченно вздохнула, хотя в салоне неприятно пахло бензином. – Здесь есть какая-нибудь станция или шоссе? Где вообще я нахожусь? До города далеко?

– Находишься ты, дочка, в моей машине, – солидно проговорил водитель, включив зажигание и набирая скорость. – А насчет всего прочего... ты что, выпила лишку, что не знаешь, куда попала?

– Да нет, я вовсе не пила... – жалобно проговорила Лола, осознав, насколько диким мог показаться водителю ее вопрос. – Просто заблудилась...

– Заблудилась? В таком виде? – водитель покосился на нее и с сомнением покачал головой. – Ну, не хочешь говорить – и не надо, твое дело... только на, лицо вытри... – И он протянул ей аккуратно выглаженный голубой платок.

Лола взглянула на себя в зеркало заднего вида. Лицо действительно было в пыли и в копоту. Откуда взялась копоть? Она провела по лицу платком, и в голове мелькнуло какое-то смутное воспоминание. Машина... запах бензина... в ту же секунду дорога перед машиной странно заколебалась, как коктейль в высоком стакане.

– Что это такое? – растерянно спросила Лола, повернувшись к водителю. – Что это с дорогой?

– С дорогой все в порядке, – ответил дядечка незнакомым гулким голосом, как будто он говорил из железной бочки. – С дорогой-то все в порядке, а вот с тобой...

Его лицо странно вытянулось и перекопилось, как отражение в кривом зеркале.

– Что... со мной... – попыталась выговорить Лола, но язык стал непослушным, сухим и шершавым, как наждачная бумага. Голова закружилась, перед глазами замелькали яркие круги, и Лола потеряла сознание.

Лола пошевелилась и застонала. Сквозь веки она почувствовала жаркие солнечные лучи и открыла глаза. Комнату заливало яркое солнце, за окном пели птицы. Судя по тому, как высоко стояло солнце, было уже далеко не раннее утро. И вообще не утро.

«Какой странный сон мне приснился, – подумала Лола, приподнимаясь на кровати. – Как будто я не у себя дома, а в каком-то совершенно незнакомом месте. И как будто я – это не я...»

– Пуишечка, детка! – окликнула Лола своего любимца.

Пу И не отозвался. Лола поднялась повыше и огляделась.

Это была не ее спальня. Это была та самая зеленая комната, в которой она проснулась в прошлый раз. Комната, в которой она проснулась в своем странном сне. Если, конечно, во сне можно проснуться.

Значит, это был не сон?

Лола напрягла память и вспомнила концовку своего сна.

Она сбежала из этого дома, остановила машину, села в нее... водитель дал ей платок... и после этого она потеряла сознание.

И тут у нее возникло отчетливое ощущение, что все это с ней уже было. То, что психологи называют дежавю. Она точно так же ехала в машине... такой же сильный запах бензина... и такое же странное головокружение... потом последовал провал в памяти. Потом она проснулась в этой комнате.

А вот что было раньше? Что было перед этим? И тут Лола начала вспоминать весь свой вчерашний день.

Леня Маркиз начал новую операцию. И как всегда, ему понадобилась ее помощь. Впрочем, это было вполне справедливо, они, как-никак, деловые партнеры, напарники. Правда, работа у них была необычная. Сам Леня называл себя мошенником экстра-класса, и занимался он безболезненным и почти законным отъемом денег у тех, кто эти самые деньги не знал куда девать. Операции свои Леня обдумывал заранее и проводил с большой тщательностью. Имя его было широко известно в узких кругах, и весьма часто к Маркизу обращались некоторые люди – по рекомендации, разумеется, которым нужен был ловкий и неглупый человек для выполнения деликатных поручений. Лола, профессиональная актриса, была его правой рукой. Впрочем, и левой тоже. Так, по крайней мере, она считала. Так что помогать Лене было ее прямой обязанностью. Ужасно было другое.

– Лолка, – сказал ей вчера за завтраком Маркиз, выставляя перед своей подругой целую гору картофельных оладий, которые научила его готовить Лолина тетушка Калерия Ивановна, – ты должна одеться очень скромно. Точнее, не столько скромно, сколько дешево и безвкусно. Все вещи должны быть с рынка.

С этими словами он аккуратно поставил на стол полный соусник. Соус к оладьям тоже был сделан по рецепту тети Кали – в сметану добавлялась долька чеснока, растирался кусок брынзы, два пучка зелени, и все это потом сбивалось в миксере.

– Ленечка, но это же самый настоящий садизм! – простонала Лола, толстым слоем намазывая на свежий круассан арахисовое масло, оладьи она игнорировала, потому что Леня переложил в соус чеснока. – Ты мог хотя бы сказать мне это после завтрака? У меня совершенно пропал аппетит!

– Что-то не похоже! – отозвался Маркиз. – Кстати, арахисовое масло может плохо сказаться на твоей фигуре!

– Моя фигура тебя совершенно не касается! – возмущенно воскликнула Лола, едва не уронив круассан маслом вниз. – Мы с тобой – напарники, партнеры, и не больше!

– Вот именно поэтому я и беспокоюсь о твоей фигуре! Если ты пополнеешь, ты не сможешь пролезть в форточку...

Леня ловко пригнулся, и только поэтому круассан не попал ему в нагло ухмыляющуюся физиономию. А попал в ни в чем не повинного попугая Перришона, который сидел на спинке Лениного стула и кланчил орехов.

– Кар-раул! – завопил попугай, перелетая на холодильник. – Тер-рор! Р-репр-рессии!

– Попугай-то чем виноват? – как ни в чем не бывало, проговорил Леня, устраиваясь на прежнем месте и придвинув ближе к себе блюдо с оладьями. – Мы живем в свободной стране, и

преследовать говорящую птицу за ее разговорчивость несправедливо. Итак, ты должна одеться в самые простые шмотки. Косметика тоже должна быть дешевой...

– Ну, уж это чересчур! – возмутилась Лола. – Ты ни за что не заставишь меня пользоваться дешевой косметикой! Она может испортить кожу! И вообще, это унижительно! Лучше совсем никакой косметики, чем дешевая...

– Совсем никакой? – переспросил Леня, наклонив голову набок. – Нет, это не годится. Без косметики у тебя будет вполне приличный вид, а нам нужен...

– Неприличный? – ужаснулась Лола. – Ты хочешь послать меня на панель?

– Ну что ты, Лолочка! – Леня наклонил соусник, но слишком густой соус никак не хотел выливаться на оладьи, пришлось выкладывать его ложкой. – Наши дела еще не так плохи... до таких крайностей дело не дошло, и я надеюсь, в ближайшее время не дойдет... просто для той роли, которую тебе придется сыграть, вид у тебя должен быть умеренно вульгарный. Но, впрочем, если тебе такая роль не под силу...

– Мне не под силу? – Лола чуть не взорвалась от возмущения. – Да я могу сыграть все, что угодно! Я играла Джульетту и Леди Макбет! Я играла Корделию и Дездемону! А для твоих преступных целей я исполняла роли светских дам и горничных, сотрудниц полиции и доярок... и что – хоть раз я не справилась с ролью?

С этими словами она ухватила одну оладью и съела ее просто так, без соуса.

– Справилась, справилась, – отмахнулся от нее Маркиз. – И сейчас справишься! Но для этого тебе придется воспользоваться дешевой рыночной косметикой!

– Да если это нужно для роли – я вымажу лицо битумным лаком! Я сделаю себе сто татуировок! Я нанесу боевую раскраску индейцев племени навахо!

Каждый выкрик сопровождался съеденной оладьей.

– Вот и умница, – удовлетворенно проговорил Леня и осторожно отодвинул полегчавшее блюдо от Лолы. – Индейскую боевую раскраску пока не надо, но я это на всякий случай запомню... мало ли, пригодится.

– Подожди-ка, – Лола подозрительно уставилась на Маркиза. Она почувствовала, что партнер снова ее перехитрил и заставил играть по своим правилам. – Подожди-ка. Мы ведь с тобой партнеры? Так?

– Ну, так, – согласился Маркиз.

– А раз партнеры – я хочу знать, в чем суть новой операции. Что мы делаем и для кого...

– Ну ладно... – вздохнул Леня и начал рассказ, с сожалением поглядывая на остывающие оладьи. Лола же, налив себя кофе, устроилась с большим удобством, поглаживая песика и вникая своему компаньону.

Неделю назад Лене Маркизу позвонил старый знакомый и попросил встретиться, как он выразился, с одним интересным человеком.

– Возможно, вы договоритесь о небольшой работе.

Леня на тот момент не был ничем занят, а когда он не работал, он чувствовал себя не в своей тарелке. Он не находил себе места, терял аппетит и интерес к жизни. Короче, он скучал. Поэтому легко согласился на предложенную встречу.

Встреча была назначена в небольшом, но очень дорогом и приличном ресторане на так называемом Старом Невском.

Ресторан по причине дневного времени и заоблачных цен был почти пуст. Кроме самого Маркиза и его собеседника присутствовала парочка толстых американцев за угловым столиком, которые очень громко обсуждали достоинства русских женщин. К счастью, говорили они по-английски.

«Интересный человек», с которым беседовал Леня, выглядел очень странно, особенно в интерьере дорогого ресторана. Он был такого маленького роста, что едва доставал ногами

до пола. Казалось, что сейчас он начнет болтать ногами под столом, как шаловливый перво-классник. Круглое личико казалось одновременно старческим и детским, и на нем было навеки отпечатано выражение трогательной обиды. Одет он был в дешевый серенький костюмчик, неуловимо напоминающий школьную форму шестидесятых годов. Шею его украшал блеклоголубой галстук с салым пятном на самом видном месте.

Оценивая внешний вид человека, Маркиз в первую очередь обращал внимание на его обувь. Именно обувь больше всего говорит о материальном положении своего хозяина, о его привычках и особенностях поведения. Так вот, сидевший напротив Маркиза малыш был обут в дешевые светло-коричневые ботинки, больше всего напоминавшие детскую обувь чехословацкого производства тех же шестидесятых годов. Тогда такие полуботинки называли странным словом «баретки». Баретки Лениного заказчика были сшиты с внешней стороны, что обычно говорит о мрачности и замкнутости характера.

Все это было не совсем понятно. Ленины услуги стоили дорого, и обладатель коричневых бареток вряд ли в состоянии их оплатить. С другой стороны, он назначил встречу в весьма дорогом ресторане и явно чувствует себя здесь вполне комфортно.

Появившись в ресторане, Ленин собеседник назвал себя Сергеем Сергеевичем, но вряд ли это было его настоящее имя.

– Так вот, одна моя знакомая, женщина весьма преклонного возраста, – говорил Сергей Сергеевич, одновременно проглядывая меню, – назовем ее для определенности Анной... гм...

– Спиридоновной, – подсказал Маркиз.

– Ну, пусть Спиридоновной, – маленький человечек поморщился. – Так вот, как я уже сказал, она была весьма немолода... ей было уже почти девяносто...

– Вы говорите – «была», значит, сейчас ее уже нет на этом свете? – уточнил Леня.

– Молодой человек, не перебивайте меня! – Сергей Сергеевич снова поморщился. – Мы дойдем и до этого! Да, ее уже нет! Она скончалась две недели назад!

– Извините, я весь внимание, – проговорил Леня, виновато улыбнувшись. – И примите мои искренние соболезнования по поводу ее кончины.

В это время к столику подошел официант, и Сергей Сергеевич замолчал.

– Вы определились с заказом? – осведомился молодой человек с лицом и осанкой наследного принца.

– Салат от шефа, – процедил Сергей Сергеевич, свободно откинувшись на спинку стула, – моллюски «Сен-Жак» по-провансальски и бокал шардонне девяносто восьмого года. Кофе и десерт я, возможно, закажу позднее.

Леня тоже сделал заказ, и официант удалился.

– Здесь очень хорошая кухня, – сообщил Сергей Сергеевич, окинув ресторан удовлетворенным взглядом.

В полутемном зале было не больше десяти столиков. Помещение оформлено в уютном и неброском стиле маленького парижского бистро. Такие же кружевные занавески на окнах, такие же фотографии начала двадцатого века, развешанные по стенам, такие же бархатные диванчики. Правда, мало какой парижский ресторан может похвастаться такой изысканной кухней и таким выбором вин.

– Итак, ваша знакомая скончалась неделю назад, – напомнил Леня.

– Да... Анна...

– Полуэктовна, – подсказал Леня.

– Допустим... – маленький человечек поморщился, – она обещала оставить мне одну ценную вещь. Собственно, это была единственная сохранившаяся у нее ценная вещь. Сами понимаете – война, блокада и прочие неприятности... короче, у нее сохранились старинные карманные часы.

– Золотые? – из вежливости уточнил Леня.

Он уже хотел сказать Сергею Сергеевичу, что зря потратил свое время: такими мелочами, как часы, пусть даже золотые, он не занимается, и его обычный гонорар значительно превышает их цену.

– Золотые, – подтвердил маленький человечек, словно прочитав Ленины мысли. – Но не просто золотые. Иначе я не обратился бы к вам. Я знаю, сколько вы берете за услуги.

Леня скромно улыбнулся.

– Эти часы, по легенде, принадлежали императору Александру Первому. И эта легенда достаточно правдоподобна. Во всяком случае, на внутренней крышке часов бриллиантами выложен вензель императора. Кроме этого, часы украшены еще не одним десятком первоклассных бриллиантов, рубинов и изумрудов. Особенно хорош крупный изумруд, вставленный в середину циферблата. Я уж не говорю о прекрасной работе и исторической ценности часов. В общем, по художественному уровню эта вещица даст сто очков вперед любому из пресловутых пасхальных яиц Фаберже...

Леня уважительно присвистнул.

– И что же случилось с этой милой вещицей? Ее поперли безутешные родственники?

– Именно это я и хотел бы выяснить.

– А вообще... – Леня пристально посмотрел на своего собеседника, – вы сказали, что старушка *обещала* оставить вам эти часы. Следует ли понимать это так, что в завещании она их не упомянула?

– Именно так, – невозмутимо кивнул Сергей Сергеевич. – Об этих часах, кроме нее и меня, не знала ни одна живая душа. По крайней мере, так я считал до недавнего времени. И это меня вполне устраивало. А если бы они были упомянуты в официальном завещании, волея-неволей о них стало бы известно слишком многим людям. Что, как вы понимаете, совершенно не входило в мои планы. Я уж не говорю о налоге на наследство, который вот-вот будет отменен, но на тот момент составлял очень значительную сумму.

– Тогда как же...

– Я же просил вас, молодой человек – не перебивайте! – Сергей Сергеевич раздраженно повысил голос. – Я вам все объясню! Во-первых, Анна...

– Сигизмундовна, – подсказал Маркиз.

– Пусть так. Анна Сигизмундовна намеревалась оставить мне эти часы в благодарность за оказанную ей услугу. Суть этой услуги не имеет отношения к нашему делу, но в свое время она значила для покойной очень много. И вот, чтобы отблагодарить меня, она сообщила, где спрятаны часы. Покойная жила в коммунальной квартире...

– Как, разве они еще есть? – удивился Леня.

– Есть, и вы даже не представляете, как их много! Особенно в центральных районах города. Так вот, в ее комнате находится старинный камин, отделанный голландскими изразцами. Если нажать на четвертую слева плитку, откроется тайник, в котором она и прятала часы. Тайник устроен очень хорошо, его нельзя ни простукать, ни найти случайно. Только человек, знающий секрет, может в него попасть. А знали секрет только двое – я и Анна...

– Мефодьевна, – подсказал Маркиз.

– Пусть так, – отмахнулся от него Сергей Сергеевич. – Однако, когда после смерти старушки я попал в ее комнату и открыл тайник, он был совершенно пуст.

– Грустная история, – сочувственно проговорил Леня. – Никому нельзя верить. Даже милым интеллигентным старушкам. Судя по всему, ваша знакомая еще кому-то пообещала часики... кому-то, кто тоже оказал ей услугу.

– Исключено! – резко возразил Ленин собеседник. – Я знал ее много лет, и не сомневаюсь – она меня не могла обмануть! Часы похитил кто-то, кто бывал в доме. И я обратился к вам в надежде, что вы сможете выяснить, кто это сделал, и вернуть мне вещицу.

– Кто-то, кто бывал в доме? – задумчиво повторил Леня. – А вы знаете всех, кто там бывал?

– К счастью, Анна...

– Леопольдовна.

– К счастью, она жила достаточно замкнуто, и у нее бывали только четверо. По крайней мере, в последние годы. Это ее племянница, сосед по квартире, участковая медсестра, которая делала ей уколы и другие процедуры, а также ваш покорный слуга. Так что, как видите, список подозреваемых невелик.

В это время к столику подкатили тележку с заказанными блюдами, и Сергей Сергеевич снова замолчал.

На этот раз пауза затянулась, поскольку кухня оказалась выше всяческих похвал, и обсуждать дела за едой было бы так же неуместно, как жевать гамбургер, любуясь полотном Леонардо да Винчи.

– Вот, Лолка, собственно, и вся история, – закончил Леня свой рассказ, – Как ты понимаешь, я взялся за эту работу. Ну, во-первых, мы сейчас ничем серьезным не заняты, а творческий простой губителен при нашей профессии, как и при любой другой. Во-вторых – ты же знаешь, как я люблю дорогие старинные безделушки! Подержать такие часы в руках, полюбоваться ими – это отдельное удовольствие, которое ожидает меня в конце работы. Так сказать, небольшой бонус. Разумеется, в случае ее благоприятного завершения...

– Ты слишком много думаешь об удовольствиях! – ворчливым тоном заметила Лола, чтобы оставить за собой последнее слово.

Маркиз проигнорировал эту реплику и продолжил:

– Так вот, я собрал кое-какую информацию обо всех троих подозреваемых – племяннице покойной старушки, участковой медсестре и старичке-соседе. Самой подозрительной мне показалась племянница, так что именно с нее мы и начнем.

– Для этого мне и понадобится одеться в дешевые рыночные тряпки?

– Именно! Поскольку тебе придется втереться к ней в доверие, а эта самая племянница работает на вещевом рынке и сразу определит происхождение твоих вещей.

Лола была прирожденной актрисой, и когда перед ней появлялась новая роль, она увлеченно работала над ней, пока не становилась другим человеком, пока не перевоплощалась на все сто процентов.

Так и на этот раз – она не ограничилась дешевыми рыночными тряпками и турецкой косметикой. Лола заперлась в ванной и перед зеркалом отрабатывала жесты и мимику.

Через два часа из ванной вышла разбитная девица с самыми вульгарными манерами. Перевоплощение оказалось таким полным, что кот Аскольд при виде ее выгнул спину и зашипел, и даже обожаемый Пу И не пошел к ней на руки, а тоненько заскулил и забился под кровать.

– Ты видишь, Леня, – грустно проговорила Лола, – на какие жертвы я иду ради нашего общего дела? Собственная собака меня не узнает! Это же просто ужасно!

– Собака, может, и не узнает, – критически оглядев боевую подругу, проговорил Маркиз, – а великий режиссер Станиславский сказал бы: «Не верю!» Ты должна не только выглядеть, ты должна думать и говорить по-другому...

– А! – Лола визгливо рассмеялась. – Ну, Ленчик, уморил, ща сдохну! Ты, блин, прикинь – псина поверила, а ты, как лох, – «Не верю!».

– Ну ладно, – Леня махнул рукой, – так еще ничего... теперь послушай, в чем будет заключаться твоя задача.

Лола достала блокнотик и приготовилась записывать, как прилежная ученица за учителем. Леня поморщился:

– Неужели ты так не запомнишь? Ну ладно, можешь записать, только потом свои записи обязательно уничтожишь. Сожжешь, например, или съешь...

Лола, продолжая изображать старательную ученицу, подняла руку:

– А можно будет съесть эти записи с соусом?

– С каким еще соусом?

– Ну, лучше, конечно, «Тысяча островов»... – ответила Лола на полном серьезе, выразительно похлопав ресницами. – Но в крайнем случае хотя бы с майонезом...

– Нет! – раздраженно рявкнул Маркиз. – Съешь всухомятку! Ты не в ресторане! И вообще, немедленно прекрати этот цирк! Я хочу поручить тебе серьезное дело, а ты резвишься...

– Кажется, ты что-то перепутал, Ленечка, – обиженно отозвалась Лола. – Это ты у нас по профессии – цирковой артист, а я актриса серьезная, драматическая, репертуарная, так что не тебе учить меня серьезному отношению к делу...

Она взяла на руки Пу И, который вертелся вокруг, тихонько повизгивая, и посмотрела на Маркиза:

– Продолжай, Ленечка, мы с Пу И внимательно тебя слушаем!

Пу И в подтверждение ее слов преданно уставился на хозяина и склонил голову набок.

– По-моему, Пу И и то серьезнее тебя относится к делу! – неодобрительно проговорил Леня, но тем не менее продолжил: – Ты должна втереться в доверие к этой самой племяннице. Должна стать ее лучшей подругой...

– Ничего себе! – Лола присвистнула. – Ты слышал, Пу И, чего от нас хочет этот эксплуататор?

– Но ведь ты – выдающаяся актриса, – усмехнулся Маркиз, – и вообще, не свисти в доме, денег не будет.

– Тиран и деспот! Ну ладно, как хоть зовут эту племянницу? Или это секретная информация?

– Нет, отчего же! Зовут ее очень просто... зовут ее... – Леня наморщил лоб, – Как же ее зовут? Такая простая фамилия... что-то такое криминальное... ну ладно, одну минуту! – и он перелистал страницы своего собственного блокнота. – А, ну вот, конечно... зовут эту племянницу Оксана Воробьева.

– Ага! – завопила Лола так, что Пу И от неожиданности подскочил и свалился на пол. – Ага, сам не можешь запомнить, а от меня требуешь!

Тут она заметила неприятность, случившуюся с Пу И, и наклонилась, чтобы поднять своего любимца.

– Пуишечка, детка, ты не ушибся? – заворковала Лола над песиком, снова усадив его на колени. – Это все из-за него, из-за этого безжалостного человека! Он нещадно эксплуатирует своих близких, нарушая трудовое законодательство и технику безопасности!

Пу И закатил глаза и сделал вид, что он при смерти и спасти его может только целый пакет орехового печенья.

– Лолка, немедленно прекрати этот цирк! – прикрикнул Леня на свою разыгравшуюся подругу.

– Ну ладно! – Лола надулась. – А почему это ты считаешь, что в фамилии Воробьева есть что-то криминальное?

– Ну, воробей... здесь слышится «вор» и «бей»... Прекрати! – Леня стукнул кулаком по столу. – Опять ты пытаешься отвлечь меня от дела!

– Пу И, он совсем не понимает шуток! – грустно вздохнула Лола. – Ну ладно, я внимательно слушаю!

При всех Лолиных недостатках, она хорошо знала, когда Маркиз всерьез сердится, и умела вовремя остановиться.

– Я внимательно слушаю! – повторила она. – Для чего мне нужно втереться в доверие к этой Оксане?

– Ты должна узнать о ней буквально все. Чем она дышит, что ест, с кем спит, что ей снится... но главное, что тебе нужно узнать, – каково ее финансовое положение. Как у нее с деньгами и не появились ли у нее большие деньги в самое последнее время.

– Ты думаешь, она уже успела загнать часики и теперь на радостях покупает дорогие обновления? – с недоверием проговорила Лола. – Если у нее есть хоть капля мозгов, она не будет спешить! Затаится на несколько месяцев, а то и на год, и только потом реализует теткино сокровище...

– Ты правильно сказала – если у нее есть хоть капля мозгов. А если нету?

– Тем более за такой короткий срок она вряд ли успела реализовать часы! Ведь это не какая-нибудь пустяшная безделушка, которую можно продать в любом ларьке...

– Вот поэтому тебе и придется проявить свои способности! – Леня повысил голос. – Думать, думать надо! Может быть, она и не продала часы, но уже предчувствует появление больших денег и присматривается к таким вещам, о которых раньше и думать боялась! Ну, там, шубы, украшения... что я тебя учу? Ты ведь женщина и должна чувствовать такие вещи лучше меня! Может быть, у нее особенно остро стоит квартирный вопрос. Живет в однокомнатной клетушке с курятником вместо кухни и собачьей будкой вместо ванной. Тогда она не сможет выждать целый год и уже сейчас начнет на радостях подбирать варианты... в общем, собери о ней всю информацию, какую сможешь!

– Ну ладно... – Лола тяжело вздохнула. – Пуишечка, детка, извини, но мне придется заняться делом. И я, к сожалению, не смогу взять тебя с собой. А насчет орехового печенья обращай к этому жестокому человеку, тирану и эксплуататору!

– Подожди, – проговорил Леня, – нужно решить вопрос с твоим транспортом. По моему замыслу, у тебя должна быть машина.

Он позвонил своему приятелю по кличке Ухо, который прекрасно разбирался в машинах и мог в считанные часы раздобыть любое транспортное средство от детского педального автомобильчика до самого продвинутого «Хаммера». Услышав, что понадобилось Маркизу на этот раз, Ухо даже немного обиделся. Однако дело есть дело, и через час возле Ленинского подъезда стояла проржавевшая и явно побывавшая не в одной аварии старенькая «пятерка».

– Ну и ведро! – проговорила Лола, в сердцах пнув выдавшую виды машину.

– А ты на себя посмотри! – огрызнулся обиженный в лучших чувствах Ухо. – Типа, что заказывали, то я и притаранил. А по дороге, между прочим, такой «бумер» видел! – Его глаза мечтательно затуманились. – И чего это Маркизу «пятера» понадобилась?!

– Ладно, – вздохнула Лола, – на ведре так на ведре...

– Если надо будет для дела – и на помеле полетишь! – строго прикрикнул на нее Леня.

– А если гаишник привяжется? Не могу же я с собственными правами на угнанной тачке разъезжать! На помеле хоть не задержат, у нас пока летающих гаишников нету!

– Зачем с собственными? – Ухо выгреб из кармана стопку документов и отдал Лоле. – Выбирай, какие тебе больше нравятся. У меня этого барахла на целый автопарк хватит!

– Галия Юсуфовна Мынбаева, – прочитала Лола на первом документе. – Нет, это мне не подходит... явно не моя масть... так... Каринэ Ашотовна Геворкян... ну, Ухо, ты даешь! Я же все-таки блондинка... по крайней мере, сегодня... Сорока... Евгений Михайлович! Да ты что, это же вообще мужские!

– Ой, правда? – Ухо заглянул через ее плечо. – А я смотрю – Сорока, решил, что женщина! А дальше и не прочитал!

– Вот что значит – настоящий мужской шовинизм! По твоему мнению, все женщины только и умеют трещать как сороки... – Лола вытащила из стопки следующий документ: – Савушкина Людмила Петровна... а вот это вполне подходит! И возраст примерно такой же...

– Ну, вот видишь, как хорошо! – удовлетворенно проговорил Ухо. – А вот тебе доверенность от хозяина... правда, немножко помятая, но так даже лучше, достовернее!

Через полчаса старенькая бежевая «пятерка» подрулила к вещевому рынку возле станции Удельная. Жизнерадостная, ярко размазанная девица, в которой почти невозможно было узнать Лолу, выбралась из машины, захлопнула дверцу и, призывно вихля бедрами, подошла к лотку, на котором были разложены разноцветные китайские одеяла.

– Слышь, подруга, – обратилась она к скучавшей возле лотка женщине неопределенного возраста с неестественно светлыми волосами и чересчур румяным от свежего воздуха лицом, – ты Ксанку Воробьеву не знаешь? Говорили, где-то тут она стоит...

– Ксанку, говоришь? – переспросила продавщица, окинув Лолу оценивающим взглядом. – А чем она торгует-то, эта Ксанка? Ты мне фамилию не говори, фамилия нам по барабану, мы в паспорт друг дружке не заглядываем!

– Торгует? Да вроде джинсами, – ответила Лола, изобразив на лице умственное напряжение.

– Так это, наверное, Ксанка Рыжая! – оживилась продавщица и оглушительно завопила: – Галю! Галю!

Лола испуганно попятилась от такого крика. Огромная ворона с испуганным хриплым карканьем сорвалась с фонарного столба. Все остальные не обратили на крик внимания, а толстая тетка в облегающих трикотажных штанах бирюзового цвета и ядовито-розовой маечке, торговавшая на соседнем лотке лифчиками нечеловеческих размеров, повернулась и как ни в чем не бывало осведомилась:

– Ну, че тебе, Анжелка? Менты, что ли, идут? Так я с ними сегодня уже разговаривала!

– Не, – отозвалась Лолина собеседница. – Вот тут девочка интересуется насчет Ксанки Рыжей. Ты ее сегодня не видала? Вы ведь с ней вроде в подругах ходите!

– Ну, скажешь тоже, в подругах! – обиделась Галина. – Я эту клячу ваще видеть не хочу! Я на нее за вчерашнее обиделась... договорились, что она бутылку принесет, а я закусь, а она, корова кривоногая, так и не появилась...

– Так ты, короче, не знаешь – торгует она сегодня или как?

– Не! – Галина ухмыльнулась. – Ей в таком виде неделю нельзя на рынке показываться! Всех покупателей распугает!

– А че? – заинтересовалась Анжела. – Тенгиз приложил?

– Какое там! – Галина замахала руками и понизила голос. – У ней Костик из Крестов вышел!

– Да ты что? – Анжела округлила глаза. – И чего?

– Известно чего! Приревновал! Кто-то ему про Тенгиза наболтал, ну, он и разошелся...

– Кто-то? – подозрительно переспросила Анжела. – Уж не ты ли подружке посодействовала?

– Ой, да больно мне надо! – отмахнулась Галина. – Что, у меня других дел нету?

– Сделать гадость – большая радость! Была бы богатая – в кино бы ходила, а так за счет подруги развлекалась...

– Ой, ну ты прям про меня так плохо думаешь! Я еще Костика-то и не видала! Без меня кто-то постарался! Короче, она уж и так и этак оправдывалась, а он и слушать не стал, так отделал – мама не горюй! Она даже очки черные надела, у Надьки взяла, так никакого толку, на пол-лица синячище!

– Ну надо же, как ревнует! – мечтательно вздохнула Анжела. – Ревнует, значит, любит! А тут стоишь, как памятник, и хоть бы кто посмотрел...

– Ладно, ты, памятник! Нашла чему завидовать! Так, короче, Гиви ей и сказал, чтобы на рынок не совалась, пока эта красота не пройдет... типа, больничный выписал! А тебе ваще-то зачем Ксанка? – Галина подозрительно уставилась на Лолу, – Уж нет ли у тебя к Костику

интереса? Так ты, того, лучше про него забудь! А то, знаешь, я за подругу... – и толстуха угрожающе выдвинула вперед свой необъятный бюст, как оружие массового поражения.

– Да нет, – Лола на всякий случай попятилась, – я вообще-то работу ищу, ну, мне одна подруга и сказала, что Ксана может в этом деле поспособствовать...

– Ксана? – Галина гулко расхохоталась. – Да чего она может-то! На нее на саму-то Гиви круто катит, как бы не выгнал на улицу! Особенно теперь, как Костик-то вышел... а ты че – где-нибудь уже торговала, опыт имеется?

– Да я так, то там, то здесь... – уклончиво ответила Лола, – зато у меня машина имеется, – она с гордостью показала на старенькую «пятерку». – И права есть, так что я могу товар возить...

– Машина – это хорошо, – уважительно проговорила Галина, – только товар Гиви сам возит, никому не доверяет! Так что иди, девочка, тут тебе ловить нечего!

Лола ехала от рынка в самом отвратительном настроении. Вся ее маскировка пропала зря. Зря она вырядилась в ужасные тряпки, зря накрашилась дешевой турецкой косметикой, зря нюхала бензин в салоне раздолбанной «пятерки»! Надо же было такому случиться, чтобы именно сейчас, не раньше и не позже, вышел из Крестов некий Костик и так приревновал племянницу умершей старухи, что той теперь неделю на люди показываться нельзя! Леня будет очень недоволен, потому что заказчик ждать не станет.

Лола вздохнула и поморщилась. Бензином в машине пахло просто ужасно.

И руля «пятерка» почти не слушалась, как не слушается родителей хулиганистый пятиклассник.

«Не мог Ухо подобрать что-нибудь поприличнее! – раздраженно думала Лола, косясь на светофор и выкручивая руль до предела, чтобы выехать на проспект Энгельса. – Пусть бы старенькую машину, но в приличном состоянии...»

Додумать эту мысль она не успела. Откуда-то сбоку перед ней выскочил серебристый «Мерседес». Лола вдавила педаль тормоза в пол, тормоза, к счастью, не подвели, и «пятерка» резко остановилась. Правда, полностью избежать столкновения не удалось, бампер «пятерки» задел крыло «Мерседеса», послышался отвратительный скрежет металла, посыпались стекла...

«Ну, только этого не хватало! – подумала Лола. – Сейчас этот козел из «Мерседеса» начнет качать права! Потребуется купить ему новую машину! Вызвоню Леню, пускай сам разбирается!» – и она вытащила из бардачка мобильный телефон.

Однако водитель «Мерседеса» повел себя совершенно неожиданным образом. Подойдя к Лолиной машине, он наклонился и озабоченно проговорил:

– Вы не пострадали?

– Кажется, нет, – удивленно ответила Лола, – но ваша машина...

– Вы уверены? А что с вашим лицом? – и мужчина протянул ей белоснежный платок.

– А что с моим лицом? – забеспокоилась Лола, повернувшись к зеркалу заднего вида и одновременно поднеся к лицу платок. Лицо было вроде бы в порядке, только ужасная турецкая тушь, как и следовало ожидать, размазалась. Лола провела платком под глазом, вытирая черный след, и неожиданно почувствовала головокружение.

«Все-таки я, наверное, ударилась головой, – подумала она, – или это от запаха бензина...»

Улица вокруг нее странно заколыхалась, перед глазами поплыли радужные круги, и Лола потеряла сознание.

А потом проснулась в чужом доме, в чужой постели, и какие-то совершенно незнакомые люди упорно называли себя ее родственниками.

От усилий, вызванных интенсивными воспоминаниями, голова у Лолы заболела сильнее. И сильнее заломило все кости.

«Это они меня наверняка чем-то отравили! – в испуге подумала она. – Смочили носовой платок какой-то гадостью, я вдохнула и потеряла сознание...»

Теперь она вспомнила все – и адрес той квартиры, где жила вместе с Леней и животными, и номер телефона, и даже номер собственного мобильного. В голове прояснилось, только Лола никак не могла сообразить, зачем кто-то придумал так над ней издеваться. Кто эти люди и что им от нее надо?

Лола села на кровати и заметила, что на ней снова надета та же ненавистная ночная сорочка с отвратительными цветами на груди. Она застонала в голос.

В ответ на ее стон отворилась дверь, и в комнату вошло новое лицо. Лицо это приблизилось к кровати и оказалось очень высоким мужчиной. Даже не мужчиной, а юношей, потому что слишком ярко блестели его глаза, а на губах играла почти детская улыбка.

– Доброе утро! – радостно сказал вошедший, и голос был настолько высок, что никак не мог принадлежать мужчине, а только взрослому подростку.

Лола молча смотрела на него, не отвечая на приветствие. Юноша улыбнулся еще шире и спросил:

– И как мы сегодня спали?

Интонация не оставляла сомнений – именно так фальшиво-радостно говорят только доктора. Причем с тяжелыми больными. Кажется, в прошлом ее сие речь шла о каком-то докторе, который ей может помочь, эта старая ведьма проговорила... Однако какой-то он слишком юный... И волосы длинные, лицо закрывают. Голос опять же... разве такие доктора бывают?

Мужчина подошел ближе и наклонился. Лола увидела, что он вовсе не так молод, это из-за улыбки возникало такое впечатление. Глаза же смотрели серьезно, пронзительно даже. Мелькнуло в них что-то такое, чему Лола не могла дать названия. Впрочем, возможно, это ей показалось.

– Так как же мы спали? – повторил доктор.

– Не знаю, как вы, а я отвратительно.

– Что, извините? – лицо доктора удивленно вытянулось.

Лола прерывисто вздохнула и прижала руки к груди, чтобы остановить сильно бьющееся сердце.

– Доктор, помогите мне, пожалуйста!

– Конечно, моя дорогая, мы, доктора, для того и существуем, чтобы помогать людям! Только вы не выполняете наш договор. Я не называю вас больной, а вы не называете меня доктором, просто Эдик, и все!

Лола хотела сказать, что у нее не было с доктором никакого договора, что она видит его впервые в жизни, но отчего-то промолчала.

Снова отворилась дверь, и появилась та самая тетка, что называла себя Лолиной свекровью. Когда Лола проснулась утром, «свекровь» навестила ее в спортивном костюме, потом была одета подчеркнуто скромно – джинсы, свободная рубашка. Сейчас на ней был вполне приличный темно-синий костюм, туфли на каблуках, а на голове – крошечная синяя шляпка с вуалью. Из-под вуали смотрели на Лолу все те же злобные носорожьи глазки. Лола поежилась. Ни костюм, ни шляпка не помогут этой женщине стать человеком.

– Вправьте ей мозги, Эдуард! – сказала «свекровь», неприязненно поглядывая на молодого доктора. – Кажется, именно для этого вы ходите в наш дом.

– Всенепременнейше! – кротко ответил доктор, но Лола видела вблизи, что глаза его потемнели от негодования. – Думаю, мы поговорим наедине.

– Вы только послушайте, что выдумала эта ненормальная! – продолжала «свекровь», не обращая внимания на намек доктора и не двинувшись с места. – Она до того дошла, что не узнает собственного мужа! Да что там, она и себя не узнает! Говорит, что она не Алина Кравчук, а какая-то Люся Савушкина!

Имя это «свекровь» произнесла с такой ненавистью, что в воздухе затрещали искры.

– Алина, но что случилось? – с легким упреком спросил доктор.

– Не делайте из меня дуру! – вспыхнула Лола. – Вы прекрасно знаете, что я не Алина! И никогда ею не было. Что за цирк вы тут устроили? Зачем вам это нужно? Если это похищение, то изложите, наконец, ваши требования! Какого черта вы привезли меня в этот дом? – Она хотела продолжать, но закашлялась от нестерпимой сухости в горле.

– Ну? – поинтересовалась «свекровь» у доктора. – Слышали? Она превзошла самое себя!

– Я вас попрошу выйти, – сказал доктор.

– И не подумаю! – взвилась «свекровь». – Нечего с ней миндальничать!

Доктор промолчал. Он повернулся и в упор поглядел на старуху. Та пыталась отвести глаза, потом сникла и вышла из комнаты, горбясь и подволакивая ноги.

– Ну а теперь перестанем нервничать и возьмем себя в руки, – строго сказал доктор. – Понимаю ваши чувства, сам, надо сказать, вашу свекровь терпеть не могу, но надо же держать себя в руках!

Лола угрюмо молчала и отворачивалась. Доктор обошел кровать и заглянул ей в глаза. Лола тоже присмотрелась и заметила, что глаза у него очень яркие, темные, притягивающие взгляд. Своими глазами он как бы вытягивал Лолу из невидимого кокона и куда-то уводил за собой. И она совсем не сопротивлялась, ей вдруг ужасно захотелось идти за этим человеком далеко-далеко, куда он позовет. Лола забыла все, забыла, где она находится, забыла, что на ней ничего нет, кроме дурацкой сорочки с цветочками, она хотела идти и идти, сбивая ноги в кровь, не думая ни о чем. Только за ним.

Стоп! – наваждение прошло, Лола опомнилась и осознала себя в постели в зеленой спальне.

«Еще не время, – говорил ей взгляд доктора, – ты должна подождать немного. Но я обязательно позову тебя!»

– Что это со мной? – удивленно спросила Лола.

– Ничего страшного. Все уже позади. Так о чем мы говорили? Вы утверждаете, что вы не Алина? И не хозяйка этого дома?

– Д-да... – неуверенно ответила Лола, отчего-то ей вдруг расхотелось спорить.

– Конечно, Люся Савушкина – тоже очень хорошее имя, – улыбаясь, заметил доктор Эдик, – но не нужно вмешивать эту женщину в ваши семейные дела.

«А вот и ошибаешься, – тут же подумала Лола, – Люси Савушкиной нет в природе. Это Ухо дал мне такие права. А я-то думала, откуда в голове это имя? Теперь нужно держаться этой версии, чтобы окончательно не запутаться...»

Внезапно доктор очень внимательно поглядел на нее, как будто прочитал Лолины мысли. Она испугалась. Почему-то казалось очень важным не рассказывать никому, кто она есть на самом деле, не называть имени Лени Маркиза, и Уха, и Пу И...

– Посмотрите на меня, Алина! – строго велел доктор, и Лола против воли заглянула ему в глаза.

И снова эти темные бездонные глаза поманили ее за собой, и снова Лола хотела идти и идти за ним, идти куда угодно, идти и в дождь, и в зной, и сквозь песчаную бурю, и сквозь ледяную пургу, идти далеко, до самого горизонта...

Наваждение прошло, как только он отвел свои глаза. Лола без сил откинулась на подушку.

– Слушайте меня внимательно, – сказал доктор гораздо мягче и взял ее руку, как будто считая пульс, – с вами ничего страшного не случилось. Никто вас не похищал, и вообще никто не хотел причинить вам вред. Верьте мне, Алина, я знаю вас достаточно близко. Вы в общем не больны, просто в последнее время вы отчего-то стали злоупотреблять наркотиками. Вы очень переживали, что никак не можете родить ребенка, да еще свекровь ваша, конечно, не та жен-

щина, у которой можно искать поддержки в трудную минуту. Наркотическую зависимость мы сняли, но не нужно вам объяснять, какой это серьезный стресс для организма. Поэтому вы...

– Я сошла с ума? – спросила Лола. – У меня такие ясные, отчетливые галлюцинации.

– Вовсе нет! – доктор отпустил ее руку. – Просто без наркотиков ваше сознание ищет другие способы ухода от действительности. Нужно отдохнуть, тогда у вас появятся силы, чтобы принять окружающий мир таким, как он есть. Вы мне верите? – снова он взглянул на нее своими зовущими глазами.

– Вам – да, – поспешно сказала Лола, – но если бы еще какие-нибудь доказательства...

– Да ради бога! – доктор рассмеялся. – Сказали бы сразу! Ничего нет проще!

Он покопался в ящиках туалетного столика и принес Лоле тоненькую книжечку. Дрожащей рукой Лола развернула паспорт. Буквы прыгали перед глазами.

«Кравчук Алина Сергеевна, – прочитала она, – год рождения одна тысяча девятьсот семьдесят шестой...»

– На фото взгляните, – предложил доктор.

На фотографии была она, Лола. Не такая, как сейчас, а несколько лет назад – как раз когда меняла паспорт. Лола прекрасно помнила этот снимок, он ей не нравился, но на документах человек всегда выглядит удивительно серьезным, и глаза равнодушные.

– Ну? – весело спросил доктор. – Убедились? Вот и ладненько...

С этими словами он забрал у нее паспорт. Лола не сопротивлялась. Доктор снова говорил что-то о том, что надо много спать, хорошо кушать, двигаться – в общем, набираться сил. После этого он ушел, Лола даже не попрощалась с ним – не было сил шевелить языком. Она могла только думать.

«Такого просто не может быть! Не может быть, чтобы я превратилась в другого человека! Ведь я ощущаю себя Лолой, я все прекрасно помню, мое полное имя – Ольга Чинова, мне двадцать восемь лет, по образованию я – драматическая актриса, но сейчас не работаю в театре. А раньше – играла Офелию и Дездемону, и еще Беатриче из «Много шума из ничего», и Виолу из «Двенадцатой ночи». Критики очень хвалили меня в этой роли, и даже сам Пеликанский...»

Лола так ясно увидела блестящую лысину и черные усы Пеликанского, как будто он стоял рядом.

«И я так хорошо вижу свою квартиру, и чудесную розовую спальню, и гостиную, и кухню в сиреневых тонах. Кот Аскольд любит сидеть у батареи, клетка Перришона стоит на холодильнике. И Пу И, мой дорогой песик, как он там без меня? Неужели даже Пу И – плод моего больного воображения?»

Снова без стука открылась дверь, и вошла знакомая горничная – плотная, коренастая, с круглым глуповатым лицом.

– Ваш завтрак, Алина Сергеевна! – сказала она вроде бы приветливо, но Лола расслышала в голосе нотки настороженности.

Лола хотела заметить, что для завтрака вроде бы уже поздно, но ощутила, что ужасно хочет есть. Еще бы – прошли почти сутки с тех пор, как она ела в последний раз.

На подносе стояла тарелка с кашей, стакан апельсинового сока и чашка кофе. Еще лежали два тоста и масло в хрустальной розеточке.

«Как в больнице!» – подумала Лола.

Где свежие круассаны, где булочки с шоколадом, где запах кофе, щекочущий ноздри? Этот кофе пахнул чем угодно, только не молотыми кофейными зернами. Лола поморщилась, но тем не менее вежливо поблагодарила горничную.

– Спасибо, Таня!

Та удивленно вскинула глаза, но тут же отвела их и поспешно вышла. Лола решила задобрить горничную, чтобы она дала ей какую-нибудь одежду. Невозможно было видеть на себе эту

жуткую ночную сорочку. Или она обшарит всю комнату, но найдет какой-нибудь инструмент, чтобы открыть шкаф.

Лола понюхала кашу и скривилась. Она с детства терпеть не могла геркулес.

Еще Лола ненавидела гороховое пюре и лук в супе.

От кислого апельсинового сока свело желудок. Лола похрустела пустым тостом, потом решила все же намазать его маслом. Сливочного масла она не ела уже давно – исключала по мере сил из рациона все жирное, однако голод – не тетка, и можно один раз поступиться принципами. Кофе был едва теплым и по вкусу напоминал помой. Именно такой кофе наливали из огромного бака толстая тетка в несвежем белом халате, когда маленькая Оленька Чицова жила на даче с детским садом. Хуже всего то, что он оказался приторно-сладким. Этого Лола не могла перенести. Утренний кофе должен быть горячий, очень крепкий, со сливками, но без сахара!

«Они все надо мной издеваются, – злилась Лола, – этот глазастый доктор сказал, что нужно хорошо питаться, чтобы восстановить силы, а сами кормят какой-то дрянью!»

Однако есть хотелось все сильнее, тосты не помогли, тогда Лола решила и, зажмурив глаза, попробовала кашу. Какой-то странный был у нее привкус, впрочем, Лола так давно не ела геркулес, что решила, что так и надо. Хоть не сладкая, уже хорошо!

«Неужели они так кормили меня всегда? – грустно размышляла она. – Вроде бы богатый дом, а на еде экономят... а может, это свекровь нарочно пакостит?»

Тут Лола поймала себя на мысли, что впервые употребила слово «свекровь» без мысленных кавычек и ужаснулась. Неужели все так и есть, как утверждал доктор? Неужели все, что с такой любовью вспоминает Лола, есть плод ее больного воображения? И Пу И? И Ленья? Ленья Маркиз, ее друг и компаньон, человек, с которым они прожили бок о бок почти два года, Ленья Маркиз, который заботился о ней и всегда приходил на помощь в трудную минуту! Сколько раз он вытаскивал ее из таких передряг, что страшно вспомнить!

«И где же он сейчас? – зазвучал в ушах высокий голос доктора Эдика. – Что же он не летит тебя спасать? На вертолете, на реактивном самолете, на крыльях любви, наконец?»

«А он не знает, – сообразила Лола, – кто ему сказал, что я в опасности? Он послал меня по делу, на рынок, познакомиться с Оксаной Воробьевой, и больше меня не видел. Прошла ночь, он, наверно, забеспокоился, но не знает, где меня искать... Нужно что-то делать, как-то предупредить его...»

Внезапно голова у Лолы отяжелела и упала на грудь. Глаза закрылись, спутанные волосы упали на лицо. Перед мысленным взором поплыли какие-то картины – лошади, сказочные замки, горные перевалы... Поднос выпал из рук и с грохотом свалился на пол. Это разбудило Лолу, она пошевелилась и приоткрыла глаза.

Кто-то ходил возле кровати и ворчал. Она узнала голос горничной Татьяны.

– Снова весь ковер залила, зараза! Как я это отмою?

– Тише! – послышался голос доктора. – Поменьше болтай!

– Да спит она, Василиса Пална такую дозу ей в кашу примешала!

– Не называй имен, дура! – прошипел доктор.

Лолу спасли густые волосы, из-за них не видно было, что глаза открыты. Однако доктор все не успокаивался. Он обошел кровать с намерением заглянуть Лоле в лицо. Она поскорее закрыла глаза и провалилась в сон.

Горничная убрала посуду и вышла. Доктор убрал волосы с лица спящей женщины и внимательно его рассматривал. Не укрылась от его внимания и гладкая ухоженная кожа, и длинные ресницы, и изящный рисунок губ. Лицо было красиво, особенно во сне, не искажаемое страхом. Доктор в сомнении покачал головой и вышел, тщательно прикрыв за собой дверь.

Отправив Лолу на вещевой рынок, Маркиз тоже приступил к своей части задания. Начать он решил с участковой медсестры.

Надо сказать, что Леня имел большой успех среди медсестер, секретарш, официанток и продавщиц модных магазинов. Неизвестно, чем объяснялся этот успех – то ли его приятной, хотя и не запоминающейся внешностью, то ли обходительными манерами и мягкой, обаятельной улыбкой, но только представительницы перечисленных профессий теряли голову и летели на скромный огонек Лениного обаяния, как бабочки на пламя одинокой свечи. И Леня этим совершенно беззастенчиво пользовался. Ведь никто так много не знает о начальнике, как его преданная секретарша, никто не замечает столько важных деталей, как сообразительная официантка, никто не расскажет о постояльце отеля больше, чем горничная... и несколько мелких подарков, скромный букет и пара комплиментов открывали перед Маркизом двери к бесценной информации.

Одно только омрачало эту идиллию: Лола отчего-то очень сердилась на своего партнера за такой метод получения информации. Поэтому он старался делать это втайне от своей боевой подруги.

Так и сейчас, он приступил к операции «Медсестра» только после того, как за Лолой закрылась дверь.

Он разыскал участковую поликлинику, пациенткой которой являлась покойная старушка. Стандартное трехэтажное здание давно нуждалось в ремонте. Облицовка стен осыпалась, тут и там на этих стенах краской из баллончика были намалеваны названия групп и нецензурные выражения, совершенно не соответствующие статусу медицинского учреждения, ступени крыльца были выщерблены ногами сотен посетителей. Перед входом, немного сглаживая удручающее впечатление, густо цвели кусты шиповника.

Леня вошел в поликлинику, огляделся по сторонам и приблизился к окошечку регистратуры.

За этим окошком величественно восседала сильно накрашенная дама лет пятидесяти в накрахмаленном белом халате. Дама увлеченно разговаривала по телефону, не обращая внимания на дожидаящуюся ее худенькую старушку.

– Да что ты говоришь! – восклицала регистраторша, картинно округляя глаза. – Так и сказал? Какой мерзавец! А она? Ну это просто ни на что не похоже! Что она о себе думает!

– Доченька, – подала голос старушка, – мне бы номерок к этому... к торингологу...

– Женщина, – прошипела регистраторша, прикрыв трубку ладонью, – вы же видите – я занята! Нет, Лидочка, это я не тебе, это тут у меня посетители очень нетерпеливые!

Леня перегнулся через стойку регистратуры и громко кашлянул. Регистраторша заметила его и мгновенно преобразилась. На ее лице возникла приятная улыбка, свободной рукой она кокетливо поправила прическу и негромко сказала в трубку:

– Извини, Лидасик, я тебе позже перезвоню, у меня люди!

Бросив трубку, она повернулась к Лене и с услужливой улыбкой проговорила:

– Я вас слушаю!

– Вот женщина передо мной, – Леня отстранился, указав на опечаленную старушку.

– Женщина подождет, – поморщилась регистраторша, – ей спешить некуда, разве что на кладбище...

– Зачем же вы так, – Леня покачал головой, – с больными надо деликатнее...

– Ну ладно... чего вам?

– Номерочек к то... ларингологу!

– Говорить правильно сначала научитесь! – проворчала регистраторша. – Ладно, вот вам... на среду, пять часов!

Старушка поблагодарила и удалилась. Леня придвинулся к окошку.

– А вам к кому? – тетка оживилась, глаза ее заблестели. – Справку для бассейна? На больного вы не похожи!

– Вы не правы, – с самым серьезным видом ответил Маркиз. – Мой здоровый вид обманчив. На самом деле я – глубоко больной человек. Но мои болезни не из тех, которые можно вылечить в участковой поликлинике! Мои болезни – духовные... они из области чувств...

– Так чего же вы от меня хотите?

– Моя любимая тетя заболела, – начал Леня печальным тоном, – и ей нужна опытная медсестра. Уколы, знаете, легкий массаж и прочие процедуры... так вот, одна соседка рекомендовала вашу сотрудницу, Веру... – он для вида заглянул в свой блокнот, – Веру Иванову. Вроде бы она к этой соседке ходила, и та осталась очень довольна. Так вот, я хотел найти эту самую Веру и договориться с ней. Насчет оплаты и всего прочего...

– Верку-то? – регистраторша поскущела. – И чего вам эта Верка сдалась? Вот племянница моя, Лизочка, очень аккуратная девушка, и тоже, между прочим, с медицинским дипломом...

– Нисколько не сомневаюсь в достоинствах вашей племянницы, но моя тетя – пожилой человек, а вы же знаете, как трудно с пожилыми людьми. Раз уж ей сказали про эту Веру, так ни о ком другом она и слышать не хочет! А тетя у меня – любимая, поскольку единственная, так что я для нее готов на все!

– Ну ладно... – регистраторша заметно огорчилась. – Со стариками трудно, это я вас понимаю... раз уж хотите Верку – воля ваша... да вон как раз Анфиса идет, подруга ее!

По коридору поликлиники целеустремленно двигалась тощая особа с огненно-рыжими волосами, выбивающимися из-под форменной белой косынки. На ее лице было неизгладимое выражение подозрительной озабоченности.

– Большое спасибо! – Леня махнул рукой регистраторше и бросился наперерез.

Подругу Веры Ивановой никак нельзя было назвать молодой и привлекательной, и Леня подумал, как веселилась бы Лола, увидев, с каким контингентом ему приходится работать. Но дело есть дело. Не всегда удается соединить приятное с полезным. Маркиз подкатился к озабоченной медсестре и окликнул ее:

– Вы Анфиса?

– Ну, допустим, – ответила та, остановившись посреди коридора и уставившись на Леню с привычной подозрительностью битой жизнью матери-одиночки. – Ну, допустим Анфиса. А чего надо-то?

– Мне сказали, что вы – подруга Веры Ивановой, а я хотел найти Веру и поговорить с ней...

– О чем это? – подозрительность в голосе возросла еще больше.

– Да у меня тетя болеет... – и Леня повторил ту же историю, которую только что рассказал регистраторше.

– Да зачем вам Верка! – Анфиса придвинулась к Лене и понизила голос. – Я вам все лучше ее сделаю, и возьму недорого...

– Но моя тетя уперлась... вот вынь ей и положь Веру Иванову! Ни о ком другом и слышать не хочет!

– Вы свою тетю любите? – задала Анфиса неожиданный вопрос.

– Конечно! Тетя у меня любимая, потому что единственная!

– А вам нужно, чтобы к вашей тете домой дура ходила?

– Дура? – удивленно переспросил Леня, – Это вы о ком?

– Да о ней же, о Верке! Если она три года у мужика второй женой жила – кто же она, как не круглая дура?

– Не понял! – Леня удивленно уставился на свою собеседницу. – Как это – второй женой?

– А очень просто. – Анфиса облокотилась на подоконник и начала: – У Верки муж был шофер-дальнобойщик, каждую неделю в Молдавию фуры гонял. Зарабатывал, кстати, неплохо. Ну, Верка живет себе, не тужит. Муж дома редко бывает, так это, может, и неплохо – грязи меньше и скандала. Только вдруг звонит ей женщина, молодая, кстати, довольно, и говорит:

– Здравсте, так и так, я – любовница твоего мужа.

Верка чуть в обморок не хлопнулась. Только подумала, что время неподходящее, и кое-как в руки себя взяла, молчит и слушает.

– И, между прочим, мы с твоим мужем, – продолжает та, – уже три года живем, так что пора и с тобой познакомиться. Не посторонние вроде люди.

Тут уж Верка не выдержала, как закричит:

– Врешь, зараза! Никогда в такое не поверю!

– Не поверишь? – та этак ехидно усмехается, даже по телефону слышать. – Не поверишь, значит? Он на сколько дней от тебя в поездку уезжает?

– На неделю...

– А вот и не на неделю, а только на пять дней! Можешь на работе у него поинтересоваться! А остальные два дня у меня живет! На всем, между прочим, готовом!

А Верка-то знай свое твердит, заладила, как попугай:

– Не верю! Не верю! И проверять на работе не стану, чтобы подозрениями его не унижать!

Это в то время такое мнение было, что подозрения унижают. И жалость тоже унижает.

– Ну ладно, – та ей отвечает. – А есть у муженька твоего галстук голубенький в поросых мордочках?

– Ну, есть, – Верка признается. – Из одной поездки привез, по случаю в сельпо прикупил...

– Ага, в сельпо! По случаю! Будто не знаешь, что твой муженек... то есть наш с тобой общий, по случаю только болезнь кое-какую прихватить может!

Тут уж Верке пришлось смолчать. Потому что муж ее по части чего-нибудь в дом принести не шибко умелый был. Самое большее, что мог купить, – пять кило картошки в соседнем овощном магазине. И то ему чаще гнилую подсовывали. А та, любовница-то, не унимается, давит на свое:

– Я ему тот галстучек купила! И свитер чистошерстяной с мохеровой ниткой! И рубашку кремовую, в полоску – тоже я купила! И пиджак с пуговицами! И трусы трикотажные, розовые, в цветочек! Тоже я приобрела!

Тут уж Верка волей-неволей поверила. Потому как и свитер, и рубашка, и галстук – все это у нее прямо перед глазами находилось. А как про трусы услышала – так снова ей в обморок захотелось. Но только преодолела она эту минутную слабость, взяла себя в руки и твердо так той бабе говорит:

– Ну, раз так, то забирай моего мужа вместе с трусами!

И как сказала, так и сделала. Попихала все мужнины вещички в чемодан, в самую первую очередь, понятное дело – галстук, свитер с мохеровой ниткой, рубашку кремовую и розовые трусы. Попихала все это кое-как в чемодан и на лестницу выставила. А у самой, между прочим, двое детей. Мальчику тогда восемь лет было, а девочке пять. Ну, муж из своей поездки без всяких сомнений возвращается. Видит – чемодан на лестнице. В дверь звонит, а жена с ним исключительно через глазок общается.

– Убирайся, – говорит, – к своей второй семье! Я про тебя, мерзавец и моральный разложенец, все знаю! И про то, откуда у тебя красивые трусы взялись!

Ну, он понял, что дело его раскрыто, однако все же пытался примириться:

– Вера, как же так, мы с тобой десять лет прожили, а ты все в один момент решаешь! Как же ты так можешь все, что между нами было, перечеркнуть!

– Все эти десять лет, – она отвечает, – были с твоей стороны один сплошной обман! Так что убирайся откуда пришел!

– Но у нас же дети...

– Ага! Про детей вспомнил! Ты бы раньше про них думал, когда налево шляется! А теперь поздно детей вспоминать! Я не хочу, чтобы они выросли в атмосфере лжи и обмана!

– Как же ты их растить будешь?

– Не волнуйся, к тебе не побегу! Как-нибудь уж выращу! Государство поможет!

Так вот и осталась по дурости одна с двумя детьми на руках. Государству, понятное дело, только и заботы, что ей помогать. Муж, кстати, еще первое время пытался с ней помириться, ради детей, понятное дело. Придет, в дверь звонит... только она его дальше лестницы не пускала. Подарки детям оставит – так она эти подарки прямым ходом в мусоропровод. Ну а потом уж мужу эта канитель надоела, или та его любовница тоже ребенка родила... в общем, так Верка и осталась ни с чем. И кто же она после этого, как не дура?

Закончив историю, Анфиса выразительно посмотрела на Маркиза, ожидая его реакции.

– Ну, может, вы и правы, – проговорил тот уклончиво, – да только тетушка моя ни о ком другом и слышать не хочет. Непременно подай ей Веру Иванову! А вот, кстати, та тетина соседка, у которой Вера работала, говорила, что в последнее время у Веры деньги появились...

– У Верки? Деньги? – Анфиса расхохоталась. – Да вранье это все! Какие деньги? Она только позавчера у меня пятьсот рублей заняла и не отдает! Деньги! Это же надо такое сказать – чтобы у Верки Ивановой – и вдруг деньги!

Леня оставил машину в тихом проулке и подошел к одной из хрущевских пятиэтажек, прятавшихся в густой зелени. На прогретой солнцем скамейке возле подъезда несли бессменный почетный караул бдительные старухи.

– Здравия желаю, бабушки! – вежливо приветствовал их Леня, подходя к двери.

– Тоже мне, внук нашелся! – неодобрительно проговорила одна из них ему в спину.

– Не иначе к Нинке с третьего этажа новый хахаль! – поддержала разговор вторая.

– И каждый день другие таскаются, каждый день! – внесла свою лепту в беседу третья.

Леня поднялся на третий этаж и позвонил в тридцать вторую квартиру.

– Сейчас, сейчас! – раздался за дверью раздраженный женский голос. – Опять ты ключи забыл?

Лязгнули замки, дверь распахнулась, и на пороге появилась плотная, приземистая женщина неопределенного возраста, одетая в китайские тренировочные штаны и длинную зеленую футболку с надписью «Я люблю Доктора Хауса».

– А вы к кому? – удивленно проговорила женщина, уставившись на Леню. – Я думала, это сын мой явился!

– Да прямо! – раздался из-за закрытой кухонной двери девичий голос. – Когда это Юрка так рано приходил!

– А ты вообще молчи, не твое дело! – привычно возразила женщина кухонной двери. – Если слух такой хороший, шла бы на радио работать! Там хорошие деньги платят!

– А ты меня туда устроила? – Кухонная дверь распахнулась, появилась крупная растрепанная девица лет шестнадцати в коротком застиранном халатике, еле сходящемся на вполне взрослых формах. – Ты меня устроила? Туда без связей нечего и соваться! Связи все решают! – Девица пересекла тесную прихожую, бросив на Леню заинтересованный взрослый взгляд, удалилась в комнату, на прощание вильнув задом, и с грохотом захлопнула за собой дверь.

– Без связей! – запоздало ответила мать, повернувшись к закрытой двери. – Да у тебя этих связей столько, что, если б связи все решали, ты уж в министры должна бы устроиться! Что-то от всех твоих связей проку никакого, одни неприятности!

– На себя посмотри! – донеслось из-за двери. – Я хоть матерью-одиночкой не буду!

– Типун тебе на язык! – в испуге воскликнула женщина. – Накаркаешь еще!

– Да не старые времена! На каждом углу помогут! Насмотрелась на тебя, как ты одна кувыркалась! Ничего детям не дала!

– Вот как она ко мне относится! – жалобно проговорила женщина, повернувшись к Лене и как бы призывая его в свидетели. – Я недосыпала, недоедала, все только для них, а они вместо благодарности ноги о мать вытирают! Так вы кто? – она наконец вспомнила, что гость до сих пор не представился.

– А вы – Вера Иванова? – в свою очередь осведомился Маркиз.

– Ну, допустим, Вера я. – Женщина немного отступила и вдруг схватилась за сердце. – Что-то с Юрочкой случилось? В неприятность какую-то попал?

– За меня небось так не переживаешь! – донеслось из-за двери. – На меня тебе с телебашни наплевать!

– Не волнуйтесь, с вашим сыном все в порядке, – поспешил успокоить ее Леня. – То есть я, конечно, ничего не знаю, но надеюсь, что так. А я совсем по другому делу...

– Это по какому же такому другому? – голос женщины стал настороженным и враждебным. – Никаких таких дел нам не надо! То сектанты какие-то ходят, то вообще жулики... к Тамаре Ивановне из тридцатой квартиры пришли тоже днем, двое, с виду очень приличные, вроде как вы, говорят, что она холодильник выиграла, шведский, так пока она паспорт искала, чтобы выигрыш оформить, все деньги из квартиры унесли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.